

Источник: Кедрина З. Книга тридцати трех авторов / З. Кедрина // Октябрь. — 1939. — № 1. — С. 237-241.

Книга тридцати трех авторов

ПОБЕДИТЕЛИ» — сборник стихов коллектива поэтов Гослитиздата, выпущенный к двадцатой годовщине ленинско-сталинского комсомола, является любопытной книгой тридцати трех молодых авторов.

Обилие имен и разнообразие дарований авторов — неоспоримое достоинство книги. Каждый поэт вошел в нее со своим лицом, своей темой, своей манерой. Видно, что никто не причисывал и не стриг стихи под одну свою собственную поэтическую гребенку. Но, к сожалению, очевидно также, что никто не пытался и организовать материал, отобрать его, никто не помог молодым авторам в их работе над произведениями, входящими в сборник.

Первый раздел его, давший название всей книге, посвящен показу победителей — вождей революции: Ленина, Сталина, Кирова. В этом же разделе стихи о пламенном большевике Николае Островском. Но мы должны отметить, что, к сожалению, замысел этот реализован лишь отчасти. Одному Симонову в его волнующей поэме «Победитель» удалось показать своего героя во весь рост. Эту поэму читаешь, не отрываясь, как бы участвуя вместе с великим жизнелюбом и большевиком Островским в его борьбе за жизнь, понимаемой им как борьба за рабочее место в передовых рядах трудящегося человечества. Вместе с автором и его героем мы переживаем физические поражения и моральные победы Островского, и простая, далеко не новая в литературе ситуация — победа, вопреки смерти, — воспринимается нами по-новому ярко и свежо. Даже обычно присущие стихам Симонова недостатки — изолированность героя и некото-

рая небрежность стиха — здесь меньше дают себя чувствовать.

Поэма оптимистична в лучшем смысле этого слова. В ней автор сумел сказать читателю свое

Суровое слово, веселое слово,
Единственно верное слово — вперед!

Все остальные, более или менее удачные стихи раздела «Победители» в целом еще далеки от разрешения поставленной авторами задачи реалистического изображения великих людей величайшей из революций.

Мать-Украина, я твой бандурист!
Азербайджан, я верный твой ашуг!
Акын Джамбул, язык у нас один —
Язык души — и, значит, я акын!
«Я твой акын — ты слышишь, Казахстан?
Начнет ли песню старый Сулейман —
Уж сердце молодое вторит ей... и т. д.

заверяет Павел Панченко, но эти заклипания не помогают ему приблизиться к великому искусству акынов и ашугов, искусству ярко, горячо и просто говорить о любимых вождах трудящегося человечества. Стихи, в которых Панченко восклицает, славя героев революций:

И я живу! Работаю! И ем! —
звучат неожиданно пародийно.

Однако мы не хотим сказать, что все в этом разделе сборника плохо. Искренно звучат и «Большой день» Железнова и обращение к «Товарищу» Сергея Смирнова. Хорошо сказал с Ленине Иван Дремов, что его «народы ожидали долгие века», сильно и ярко завершил он свое стихотворение: мы как бы воочию видим, как несущий на себе Ленина,

...прожекторами озаренный,
По камням холодным, напрямик,
За собою уводя знамена,
Двигается бессмертный броневик.

Но все это лишь отдельные штрихи, отдельные, более или менее удачные находки, не спасающие целого.

Ближе других авторов к разрешению поставленной задачи подошли тт. Гольдберг и Алигер. Они совершенно правильно, идя вслед за Маяковским, давшим непревзойденный в нашей поэзии образ Ленина, задумали показать своих героев-вождей в их делах. Тов. Гольдберга, несмотря на верный замысел, постигла неудача, как следствие холодности и, в данном стихотворении, беглости и неконкретности. В этом стихотворении много неоправданного. Мы не понимаем, почему «талантливый веселый архитектор» показывает свой чертеж «сквозь слезы, виновато улыбаясь», мы не видим, в какой связи находится этот чертеж с товарищем Кировым, не знаем, куда и зачем идут «землекопы» с «грозно-острыми» лопатами.

Владимир Владимирович Маяковский в своей поэме «Ленин» писал:

Ленина не видно,
но он близ.
По тому,
    работа движется как,
видна
    направляющая
        ленинская мысль,
видна
    ведущая
        ленинская рука.

Вот этой направляющей и ведущей мысли вождя не сумел показать т. Гольдберг в своем стихотворении.

То, что говорится в стихотворении Гольдберга о товарище Сталине и товарище Кирове, есть не что иное, как холодная и поверхностная риторика.

Стихи М. Алигер о Кирове удачнее, поскольку они конкретнее и глубже раскрывают характер великого трибуна революции. Она правильно поняла, что

В самых героических рассказах
Нужно быть и проще и скупей.

Но излишняя скупость помешала ей, сжала ее размах, сделала стихи сероватыми. Как хорошо задуман «Старик» — маленькая поэма о Кирове, «отвоевавшем» нам «верного друга» у врага! Но т. Алигер поспешила в показе «Мироньча», она закрыла перед читателем дверь, за которой Киров убеждает старого инженера взяться за работу. В бакинских стихах т. Али-

гер нередко переходит от поэзии к рифмованному, по сути прозаическому бесстрастному пересказу. Нельзя такой пламенный характер, как у Кирова, описать такими сухо-рассудительными словами, такими гладкими стихами, как это делает Маргарита Алигер.

Название раздела «Эстафета» вызывает недоумение: почему «Эстафета», зачем «Эстафета» — известно лишь тому, кто нарекал имена сборнику и его отделам. Тематика «Эстафеты» чрезвычайно многообразна, как многообразны и принципы работы молодых поэтов, участвующих в этом разделе. «Эстафета» являет нам любопытную картину становления нашей молодой поэзии. Здесь есть поэты, ищущие свою тему, своего героя, свою собственную манеру писать. Таков Матусовский с его «Семьей Бочарова», находящий мягкие лирические тона для показа суровых людей и больших событий, такова Валентина Попова, ищущая достойного пути для своего серьезного молодого героя и простых четких слов для его описания, Лебедев с его глубоко лирическим «Сердцем» и попыткой по-новому осмыслить события 1812 года.

Мы найдем в «Эстафете» «Песню о красном камне» Ошанина, любопытную, как попытка построения новой детской поэмы-сказки, сказки современной, фантастика которой зиждется на научной основе. Нам думается, что сказка эта, написанная тепло, дающая сильный характер пионера и красочные картины северной природы, несмотря на длинноты и несколько излишнюю последовательность изложения, в целом Ошанину удалась.

Не без интереса прочтет читатель и поэму Семьиных «Белая ночь», направленную против аполитичности в искусстве, в которой автору удалось показать выпуклые образы «надклассового» поэта с его бархатной курткой, одышкой, толстым животом и отжившими псевдопоэтическими бреднями и противопоставленного ему директора лесной биржи с его неустанным стремлением к пользе и славе своего дела. Есть в поэме Семьиных и досадные срывы: фигуры врагов, подлежащие, по замыслу автора, доказанию воочию всю вредность теории «чистого искусства», искусственно пришитые к

поэме, чрезвычайно примитивны. Белый стих Петра Семынина четок и культурен, эпитет и метафора точны, отдельные картины (пожар, старуха, ищущая в пепле останки сгоревшего ребенка) запоминаются.

В разделе «Эстафета» мы найдем поэтов, творческое лицо которых уже более или менее определилось. Таков, Сергей Смирнов — поэт своеобразный в его интимном и простоватом говорке, поэт «простого» человека. Нам думается, правда, что герою Сергея Смирнова пора бы выйти из тесных углов и коммунальных квартир на вольный воздух, выйти для того, чтобы читатель увидел, на что способен «советский простой человек». Нам думается, что если герои Смирнова будут продолжать жить и дальше «без больших запросов и затей», им грозит опасность превратиться в обывателей, и мы уверены, что поэт сам почувствует и поймет, что ему не следует останавливаться на достигнутом.

К наиболее определившимся авторам «Эстафеты» мы относим любимого ребятами поэта Михалкова, умеющего весело и ясно говорить со своим читателем о серьезнейших вещах, и Дм. Кедрина, произведения которого запоминаются своим своеобразием в подаче темы, законченностью, культурностью стиха. Его изящное и остроумное стихотворение о великом Фирдуси «Приданое» рисует нам, как бы слегка стертые временем, образы поэта, всю жизнь отдавшего искусству, его сварливой, но в сущности долготерпеливой дочери, всю жизнь отдавшей ожиданию богатого приданого от трудов своего отца, и беглый, но точный эскиз «бездушного света» — шаха и его кастратов.

Стихотворение Дм. Кедрина «Зодчие» поражает читателя своим трагизмом, тем более глубоко, чем более спокойно повествует автор о страшном конце «безвестных владимирских зодчих», построивших по велению Ивана Грозного церковь, что «как невеста» встала над «срамом» торговой площади старой Москвы. Ослепленных после окончания работы по велению царя («чтоб в земле его церковь стояла одна такова») великих зодчих бросают в недра этого «срама», где они принуждены «христа ради просить на

хлеб и вино». Образы сынов великого народа, талантливового, честного, смелого в замысле и труде, но подавлявшегося веками, эксплуатировавшегося, истреблявшегося царями и их присными, встают со страниц этой маленькой скорбной повести. Детали стихотворения выписаны так отчетливо и живописно, поэт так прост, скуп и, вместе с тем, ярк, что читатель как бы сам переносится в отдаленную эпоху Московской Руси.

К сожалению, мы должны отметить, что «Эстафета» изобилует также весьма мало примечательным материалом начинающих поэтов, довольствующихся для создания своих стихов готовыми и общеизвестными идеями, темами и формами и никак творчески их не перерабатывающих. Еще полбеда, если нерадивый автор взял готовый материал у современной действительности, газеты, литературы, как это сделали Аркадий Коган, Иван Бауков (в своих стихах об Испании), Марк Шехтер в своей «Степи», Александр Коваленков. Получаются, правда, скучные и неубедительные перепевы, пересказы и перечисления, но на этом и кончается зло.

Хуже, если автор не критически берет готовый трафарет издания 1912 года. Так, стихотворение Анатолия Бондаревского об изгнании из «Московии» «двунадесяти языков» смело могло бы носить эту или любую другую дату, а нам думается, что советский поэт к двадцатой годовщине комсомола должен был бы сказать о крупнейшем историческом событии нечто принципиально отличное от того, что говорилось многими «патриотическими» рифмоплетами по поводу столетней годовщины «отечественной войны».

Нам приятно отметить, что Евгений Долматовский, довольно долгое время довольствовавшийся стихами весьма неглубокого дыхания, производившимися на базе легкой переработки общеизвестных идей и тем, в своих дальневосточных стихах выступил на поиски собственной поэтической дороги. Правда, мы далеки от того, чтобы сказать, что дорога эта уже найдена, но сдвиг есть, и это радует.

Раздел «Земля» является наименее благополучным и наиболее спорным разделом книги.

поэме, чрезвычайно примитивны. Белый стих Петра Семынина четок и культурен, эпитет и метафора точны, отдельные картины (пожар, старуха, ищущая в пепле останки сгоревшего ребенка) запоминаются.

В разделе «Эстафета» мы найдем поэтов, творческое лицо которых уже более или менее определилось. Таков, Сергей Смирнов — поэт своеобразный в его интимном и простоватом говорке, поэт «простого» человека. Нам думается, правда, что герою Сергея Смирнова пора бы выйти из тесных углов и коммунальных квартир на вольный воздух, выйти для того, чтобы читатель увидел, на что способен «советский простой человек». Нам думается, что если герои Смирнова будут продолжать жить и дальше «без больших запросов и затей», им грозит опасность превратиться в обывателей, и мы уверены, что поэт сам почувствует и поймет, что ему не следует останавливаться на достигнутом.

К наиболее определившимся авторам «Эстафеты» мы относим любимого ребятами поэта Михалкова, умеющего весело и ясно говорить со своим читателем о серьезнейших вещах, и Дм. Кедрина, произведения которого запоминаются своим своеобразием в подаче темы, законченностью, культурностью стиха. Его изящное и остроумное стихотворение о великом Фирдуси «Приданое» рисует нам, как бы слегка стертые временем, образы поэта, всю жизнь отдавшего искусству, его сварливой, но в сущности долготерпеливой дочери, всю жизнь отдавшей ожиданию богатого приданого от трудов своего отца, и беглый, но точный эскиз «бездушного света» — шаха и его кастратов.

Стихотворение Дм. Кедрина «Зодчие» поражает читателя своим трагизмом, тем более глубокоим, чем более спокойно повествует автор о страшном конце «безвестных владимирских зодчих», построивших по велению Ивана Грозного церковь, что «как невеста» встала над «срамом» торговой площади старой Москвы. Ослепленных после окончания работы по велению царя («чтоб в земле его церковь стояла одна такова») великих зодчих бросают в недра этого «срама», где они припущены «христа ради просить на

хлеб и вино». Образы сынов великого народа, талантливое, честное, смелое в замысле и труде, но подавлявшееся веками, эксплуатировавшееся, истреблявшееся царями и их присными, встают со страниц этой маленькой скорбной повести. Детали стихотворения выписаны так отчетливо и живописно, поэт так прост, скуп и, вместе с тем, ярок, что читатель как бы сам переносится в отдаленную эпоху Московской Руси.

К сожалению, мы должны отметить, что «Эстафета» изобилует также весьма мало примечательным материалом начинающих поэтов, довольствующихся для создания своих стихов готовыми и общеизвестными идеями, темами и формами и никак творчески их не перерабатывающих. Еще полбеда, если нерадивый автор взял готовый материал у современной действительности, газеты, литературы, как это сделали Аркадий Коган, Иван Бауков (в своих стихах об Испании), Марк Шехтер в своей «Степи», Александр Коваленков. Получаются, правда, скучные и неубедительные перепевы, пересказы и перечисления, но на этом и кончается зло.

Хуже, если автор не критически берет готовый трафарет издания 1912 года. Так, стихотворение Анатолия Бондаревского об изгнании из «Московии» «двунадесяти языков» смело могло бы носить эту или любую другую дату, а нам думается, что советский поэт к двадцатой годовщине комсомола должен был бы сказать о крупнейшем историческом событии нечто принципиально отличное от того, что говорилось многими «патриотическими» рифмоплетами по поводу столетней годовщины «отечественной войны».

Нам приятно отметить, что Евгений Долматовский, довольно долгое время довольствовавшийся стихами весьма неглубокого дыхания, производившимися на базе легкой переработки общеизвестных идей и тем, в своих дальневосточных стихах выступил на поиски собственной поэтической дороги. Правда, мы далеки от того, чтобы сказать, что дорога эта уже найдена, но сдвиг есть, и это радует.

Раздел «Земля» является наименее благополучным и наиболее спорным разделом книги.

Большинство стихов раздела «Земля» проникнуто духом стилизации; исключения составляют лишь несколько стихотворений Дремова и Черноморцева да отрывок из поэмы Сергея Васильева, судить о котором вне целой вещи нам не представляется возможным. Редактору сборника удалось сконцентрировать на пространстве немногих страниц самые разнообразные виды этого рода поэтических упражнений — в «Земле» вы найдете и навивную лубочную стилизацию Резвова, и довольно искусно сделанного «Плетуха» Вильгельма Журавлева, «Голубой ковер» Шцирта, написанный одновременно и под таджикскую народную легенду и под «Дангару» Луговского. Гладкая, грамотная и скучная поэма «Голубой ковер» имеет в себе и нечто от «жития»: героя поэмы Рахима, которому птицы и звери приносят пищу в горах, так и хочется назвать святым бедняком.

Но «шедевром» раздела мы должны признать «Сказку о казаке Лутоге» Сергея Острового. Являясь как бы квинтэссенцией псевдонародного кабинетного сказа, сказка эта написана чрезвычайно развязно, «кудряво» и одновременно небрежно.

Вот пример «красочного» описания героя, а заодно «вольного» обращения с родным языком:

Он и в речке-то не тонет,
И в огне-то не горит,
Русый кудерь у Лутона
Чистым золотом горит.

А вот пример столь же непринужденного обращения автора со смыслом. Герой играет на дудке:

Он возьмет ее, случалось.
И певичей красотой
Вся земля перекликалась
Говорила с высотой,
С дальним лесом говорила,
Дикой яблоней цвела,
И неведомая сила
По земле ее вела.

«Неведомая сила», ведущая землю по земле, к сожалению, не единственный ляпеус этой безвкусной и аляповатой поэмы, сильно смахивающей на пародию, на псевдонародные вирши.

Мы умышленно не упоминали поэмы Александра Яшина «Мать», говоря о стихах раздела «Земля», как о вещи совершенно выпадающей из стиля этой части сборника.

Будучи напечатанной в еще далеко

недоработанном виде, поэма эта является наглядным примером того, какую плохую услугу может оказать молодому автору «добрый», невнимательный редактор.

Поэма Александра Яшина рассказывает нам о том, как потомственная батрачка, забитая и робкая Огрена, вышедши замуж за кулака (ныне приспособляющегося к советской деревне), сбивается с пути, отходит от сына — советского учителя, становится верным псом своего хозяина-мужа и рабой его добра. После раскулачивания мужа она... вешается.

Беднячка Огрена целиком вживается в кулацкую психологию, перерождается и гибнет, выпустив на колхозных ребят разъяренного пса, гибнет в припадке звериной злобы и безысходного отчаяния. Давая характер беднячки в столь однобоком и неверном освещении и приводя ее к такому безвыходному положению, автор, отступая от жизненной правды, невольно клеветает на своих героев и на советскую действительность.

То, что автор владеет стихом, что язык его богат красками, что манера его своеобразна и ее отличишь от манеры многих других молодых поэтов, что повествование его полно страсти и лиризма, лишь усугубляет объективную вредность вещи. Напечатать такую вещь без коренной ее переработки и переосмысливания — значит поставить молодого поэта под тяжелый, но заслуженный удар, значит ложно ориентировать его, подрезать ему крылья при первом же ответственном полете.

Мы уже не говорим о том, насколько неуместной является такая вещь в сборнике, посвященном двадцатилетию ленинско-сталинского комсомола.

В «Октябре» № 10 помещен вариант той же поэмы под названием «Сын», являющийся результатом длительной работы с автором. В этом варианте Огрена, всю жизнь гнувшая спину на чужом поле, с жадностью голодного хватается за словно свалившееся ей с неба, «свое» добро. Став женой кулака, она совершает тягчайшую ошибку, но, когда, вырыв из земли все ценное имущество, муж исчезает, бросая ее на произвол судьбы, Огрена начинает понимать истинное положение

Большинство стихов раздела «Земля» проникнуто духом стилизации; исключения составляют лишь несколько стихотворений Дремова и Черноморцева да отрывок из поэмы Сергея Васильева, судить о котором вне цели вещи нам не представляется возможным. Редактору сборника удалось сконцентрировать на пространстве немногих страниц самые разнообразные виды этого рода поэтических упражнений — в «Земле» вы найдете и наивную лубочную стилизацию Резвова, и довольно искусно сделанного «Плетуха» Вильгельма Журавлева, «Голубой ковер» Шцирта, написанный одновременно и под таджикскую народную легенду и под «Дангару» Луговского. Гладкая, грамотная и скучная поэма «Голубой ковер» имеет в себе и нечто от «жития»: героя поэмы Рахима, которому птицы и звери приносят пищу в горах, так и хочется назвать святым бедняком.

Но «шедевром» раздела мы должны признать «Сказку о казаке Лутоне» Сергея Острового. Являясь как бы квинтэссенцией псевдонародного кабинетного сказа, сказка эта написана чрезвычайно развязно, «кудряво» и одновременно небрежно.

Вот пример «красочного» описания героя, а заодно «вольного» обращения с родным языком:

Он и в речке-то не тонет,
И в огне-то не горит,
Русый кудерь у Лутонин
Чистым золотом горит.

А вот пример столь же непринужденного обращения автора со смыслом. Герой играет на дудке:

Он возьмет ее, случилось.
И певучей красотой
Вся земля перекликалась
Говорила с высотой.
С дальним лесом говорила,
Дикой яблоней цвела,
И неведомая сила
По земле ее вела.

«Неведомая сила», ведущая землю по земле, к сожалению, не единственный ляпсус этой безвкусной и аляповатой поэмы, сильно смакивающей на пародию, на псевдонародные вирши.

Мы умышленно не упоминали поэмы Александра Яшина «Мать», говоря о стихах раздела «Земля», как о вещи совершенно выпадающей из стиля этой части сборника.

Будучи напечатанной в еще далеко

недоработанном виде, поэма эта является наглядным примером того, какую плохую услугу может оказать молодому автору «добрый», невнимательный редактор.

Поэма Александра Яшина рассказывает нам о том, как потомственный батрачка, забитая и робкая Огрена, вышедши замуж за кулака (ныне приспособливающегося к советской деревне), сбивается с пути, отходит от сына — советского учителя, становится верным псом своего хозяина-мужа и рабой его добра. После раскулачивания мужа она... вешается.

Беднячка Огрена целиком вживается в кулацкую психологию, перерождается и гибнет, выпустив на колхозных ребят разъяренного пса, гибнет в припадке звериной злобы и безысходного отчаяния. Давая характер беднячки в столь однобоком и неверном освещении и приводя ее к такому безвыходному положению, автор, отступая от жизненной правды, невольно клеветает на своих героев и на советскую действительность.

То, что автор владеет стихом, что язык его богат красками, что манера его своеобразна и ее отличить от манеры многих других молодых поэтов, что повествование его полно страсти и лиризма, лишь усугубляет объективную вредность вещи. Напечатать такую вещь без коренной ее переработки и переосмысления — значит поставить молодого поэта под тяжелый, но заслуженный удар, значит ложно ориентировать его, подрезать ему крылья при первом же ответственном полете.

Мы уже не говорим о том, насколько неуместной является такая вещь в сборнике, посвященном двадцатилетью Ленинско-Сталинского комсомола.

В «Октябре» № 10 помещен вариант той же поэмы под названием «Сын», являющийся результатом длительной работы с автором. В этом варианте Огрена, всю жизнь гнувшая спину на чужом поле, с жадностью голодного хватается за словно свалившееся ей с неба, «свое» добро. Став женой кулака, она совершает тяжчайшую ошибку, но, когда, вырвав из земли все ценное имущество, муж исчезает, бросая ее на произвол судьбы, Огрена начинает понимать истинное положение

вещей и, хотя автор оставляет ее на распутье, мы видим и знаем, что путь ее один — в колхоз, к сыну.

Отдел пародий сборника мог бы быть и свежее и богаче. Раскин и Слободской — талантливые пародисты; данные ими в сборник пародии на Долматовского и Алигер, а также и юмореска «Восклицательный знак» метки и остроумны, как и большинство написанных ими в этом жанре вещей,

но все это уже не ново, авторы полагают материалом и свежее и лучше.

Пародия — жанр дефицитный, а потому появление на страницах рецензируемого сборника нового способного пародиста Яна Сашина не может не порадовать читателя, но и у него редактор сборника г. Уткин мог бы найти более свежий и обильный материал.